

СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–26. М., 1975–2002.

СлСпрСПИг — Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Вып. 1–6. М.; Л., Л., 1965–1984.

ЭнциСПИг — Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 1–5. СПб., 1995.

*Е. В. Генералова*

## ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ, ОБРАЗОВАННЫЕ ОТ ТОПОНИМОВ: ПРОБЛЕМА СЕМАНТИЧЕСКОЙ И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ИНФОРМАТИВНОСТИ

Ответ на вопрос о количестве слов в языке, как известно, не так однозначен: есть определенные ЛСГ, активно функционирующие в языке, которые практически не рассматриваются и не учитываются при таких подсчетах.

К таким ЛСГ-«изгнанникам», несомненно, относятся и прилагательные, образованные от топонимов (*московский, архангельский, голландский* и т. д.). Предметом лексикографического описания, а тем более филологического изучения, они становятся в исключительных случаях; при том, что топонимы и этнонимы изучаются достаточно широко: и с лингвистической (ономастикой), и с историкокультурной, и с описательно-географической точек зрения.

Отсутствие оттопонимических прилагательных в толковых словарях вполне объяснимо: это привело бы к совершенно неоправданному раздуванию объема словаря (таких прилагательных едва ли не больше, чем остальных слов языка, традиционно подлежащих лексикографическому описанию). Так, трудно даже предположить, сколько в России географических названий («представить истинный объем российской топонимии... поможет сопоставление со Швецией... всех географических наименований на территории Швеции... оказалось около 10 миллионов»<sup>1</sup>), и практически от всех названий населенных пунктов может быть образовано соответствующее прилагательное.

<sup>1</sup>Агеева Р. Д., Васильев М. В., Горбаневский М. В. Старая Русса: Тайны имени древнего города. М., 2002. С. 15.

Фактически единственным лексикографическим изданием, системно описывающим прилагательные, образованные от топонимов, является «Словарь прилагательных от географических названий» (М., 1986) под редакцией Е. А. Левашова, включающий 13 000 прилагательных современного русского языка от отечественных и зарубежных географических названий. Е. А. Левашов справедливо отмечает: «Лексикографически (в качестве самостоятельных словарных единиц) соответствующие прилагательные представлены в существующих словарно-справочных изданиях крайне однобоко и скупо... Некоторое количество таких прилагательных содержится в филологических справочниках, показывающих слова со стороны их написания и произношения. В значительном числе они фигурируют в нефилологических изданиях... в составе номенклатурных сочетаний»<sup>2</sup>.

Кроме того, прилагательные, образованные от топонимов, как кажется, представляются лингвистам семантически неполноценными и не заслуживающими внимания. Так, в толковые, исторические и другие филологические словари эти прилагательные не попадают, а если и трактуются, то определяются чисто отсылочно как отсубстантивные (напр., *датский* 'относящийся к Дании, датчанам'<sup>3</sup>), словарь же Е. А. Левашова является «не толковым, а словообразовательным», не определяя такие прилагательные «вследствие всеобщности и стандартности их исходного лексического значения — значения отношения к географическому имени»<sup>4</sup>. Если прилагательные, образованные от географических названий, и изучаются, то в центре внимания оказываются особенности их словообразования.

Действительно ли так ущербны оттопонимические прилагательные, которые, будучи всегда образованы по законам языка, функционируют по правилам существующей языковой системы, и, обладая значительной древностью, зачастую древнее названий жителей тех или иных мест; кроме того, в отличие от этнонимов и катойконимов, обладают ли они известной регулярностью (так, от названия далеко не каждого населенного пункта может быть образовано название жителей, в то время как наличие соответствующего прилагательно-

<sup>2</sup> Левашов Е. А. Словарь прилагательных от географических названий. М., 1986. С. 5.

<sup>3</sup> Словарь русского языка XVIII в. Т. 1–10. Л. (СПб.), 1984–1998. Т. 6. С. 37

<sup>4</sup> Левашов Е. А. Словарь прилагательных... С. 5–6.

го достаточно вероятно)? Оставляя за пределами настоящей статьи вопрос о семантике таких прилагательных в современном русском языке, заметим, что они представляют интерес в истории языка, так как демонстрируют формирование своей характерной семантики и несут определенную историко-культурную информацию.

Для исследования проблемы семантической информативности прилагательных, образованных от топонимов (в данном случае исследовалась их основная масса — прилагательные от названий населенных пунктов), был взят период русского языка XV–XVII вв. Выбор периода обусловлен большим количеством памятников, сохранившихся от этой эпохи, и большой значимостью прилагательных в целом в памятниках этого времени. Как показал анализ, прилагательные составляют до 30% словника текстов XV–XVII вв., и это обусловлено характером обиходных памятников, имеющих прагматическую направленность и предполагающих детальное и точное описание дифференциальных признаков предметов. Прилагательные, образованные от названий населенных пунктов, тоже очень широко представлены в памятниках обиходного русского языка этого периода хотя неравномерно по группам памятников. Так, в первую очередь таможенные книги и различные имущественные, межевые записи изобилуют такими прилагательными, а, например, произведения сатирической литературы содержат единичные лексемы. Такие прилагательные могут образовывать целые ряды: А которого своего намесника *володимерского*, и *тверского*, и *клинского*, и *микулинского*, и *дмитровского*, и *волоцкого*, и *зубцовского*, и *ржевского*, и *рузского* пожалую, дам ему на грамотчики свою грамоту (АФЗХ, ч. II, 1563 г.).

Важно и то, что период XV–XVII вв. — это время активного пополнения фонда прилагательных, причем основную роль играют не заимствования (как в XVIII в.), а словообразовательные средства русского языка. За счет этого наблюдается большая вариативность, в том числе и в среде прилагательных, образованных от топонимов (*франский* и *французский*; *агленский*, *аглицкий*, *агнецкий* и *аглинский*); возникали даже омографы к уже существующим относительным прилагательным (*варварский* 'свойственный диким, нехристианским народам' и *варварский* 'живущий в селе Варварском').

Анализ значений прилагательных, образованных от названий населенных пунктов, показывает, что их семантика не так одно-

образна, в определенном смысле она насыщена, кроме того, такие прилагательные образуют достаточно большое количество устойчивых сочетаний, что не может быть проигнорировано при описании состояния языка определенной эпохи.

Конечно, есть случаи функционирования прилагательных, образованных от названий населенных пунктов, с чисто относительной семантикой: И нне *баденские*, *витгенштейнские* и *изенбургские* дѣла здѣланы будут тѣми всѣми в одномъ или в двухъ временныхъ сылках (В-К III, 1648 г.), Взяли мы [казаки] у вас турскихъ головъ вашихъ за порчу *азовскую* (Пов. аз. ратн. сид., XVII в.). Соответственно, лексикографически здесь должны быть отсылочные определения, хотя не совсем корректно то, что географические названия, к которым в таком случае отсылаются прилагательные, в словарь, естественно, не включаются. В памятниках XVI в. встречается также сочетание *московское разорение*, означающее события интервенции и крестьянской войны начала XVI в.

С такой чисто относительной семантикой оттопонимические прилагательные образуют ряд моделей-наименований географических объектов. Так, широко распространены названия городов по такой модели: *Архангельский город* 'Архангельск', *Арзамасский город* 'Арзамас', *Казанский городок* 'Казань', *город Гданский* 'Гданьск', хотя В. Г. Демьянов отмечает, что эта модель имела слабую продуктивность для зарубежных и старорусских городов<sup>5</sup>. Как названия стран и местностей широко употреблялись соответствующие прилагательные в сочетании с существительным *земля*: *Французская земля*, *Шпанская земля*. С оттопонимическими прилагательными от названий городов образуются названия уездов, волостей, местностей: *Новгородский уезд*, *Ружский уезд*, *Клинкий уезд*, *Варзужская волость*, *Могилевское место* и т. д. В своей относительной семантике прилагательные *московский*, *казанский* входят в сочетания *Московское царство*, также *Московское государство* и *Казанское царство* (интересно, что название страны и местности образуется с прилагательным, производным от названия главного города). Заметим, что здесь следует иметь в виду определенную разницу в функционировании прилагательных, образованных от названий городов (естественно, отличаются в свою очередь при-

<sup>5</sup>Демьянов В. Г. Иноязычная лексика в истории русского языка XI-XVII вв.: Проблемы морфологической адаптации. М., 2001. С. 40.

лагательные, образованные от названий русских и зарубежных городов) и от названий стран (такие прилагательные часто используются в сочетании с лексемой *земля*, в составе титулов).

В целом же толкование всей семантики топонимических прилагательных только как отсылочных едва ли оправданно. Непригодность таких обобщенных, типовых, «грамматических» определений отмечала еще А. П. Евгеньева, рассуждая о лексикографических вопросах, связанных с изданием Большого словаря современного русского литературного языка АН СССР<sup>6</sup>.

Представляется, что можно выделить определенный набор типовых значений, свойственных прилагательным, образованным от названий населенных пунктов. Самое распространенное среди этих значений — семантика 'проживающий в соответствующем населенном пункте'. См.: И которые, государь, *саранский* и *алатарский* и *арзамаский* помещиков, дворян и детей боярских, жены их и дети и люди бежали от воровского посещения, и тех я, холоп твой, твоих государских людей от воров и изменников заступал (РД, т. III, 1674 г.), А *московским* городским нищим кликуном безчестия 8 алтын 2 денги (Суд. 1589 г.).

Это значение реализуется в сочетаниях с одушевленными существительными (наиболее часто прилагательные согласуются с такими существительными, как *мужики*, *бояре*, *помещики*). Есть контексты, в которых семантика подчеркивается определяемыми существительными *житель*, *жилец* (т. е. словосочетание выражает указанное значение в чистом виде): *московский жилец*, *атемарские жители*. Образуются и устойчивые сочетания — обозначения жителей с лексемой *люди* (чаще от названий крупных городов или стран, т. е. обозначения значительных групп): *московские люди* 'жители Москвы', *аглинские люди* (и *аглинские немцы*) 'англичане', *свейские люди* 'шведы'.

Очень близок к сформулированному значению оттенок 'проживающий и служащий в соответствующем населенном пункте' — значение, характерное для памятников именно этого периода, так как для того времени была типична соответствующая форма службы (особенно частотны здесь сочетания с лексемой *стрельцы*): Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю... бьют челом

<sup>6</sup>Евгеньева А. П. О некоторых лексикографических вопросах, связанных с изданием Большого словаря современного русского литературного языка АН СССР // Лексикографический сборник. Вып. 2. 1957. С. 171.

холопы твои, *московские* да *астарahanские* да *саратовские* стрельцы (РД I, 1668 г.).

Отметим здесь также более редкий и трудно вычленяемый оттенок 'рожденный в соответствующем населенном пункте, приехавший из соответствующего населенного пункта': контекст редко дает возможность дифференцировать эту семантику (см., напр.: И те *шкловские* и *копосские* лекари под Смоленск приехали (РБС, 1654 г.)), однозначно выделена она может быть в сочетаниях со словом *выходец* (дву человек *литовских* выходцов мещан (РБС, 1642 г.)).

В предисловии к «Словарю названий жителей СССР» А. М. Бабкин и Е. А. Левашов выделяют в современном русском языке четыре способа обозначения связи человека с какой-либо местностью: 1) с помощью слов *житель*, *уроженец*, *родом из*, *выходец из* и др. с географическим названием в род. падеже; 2) с помощью прилагательных-определений, образованных от географических названий; 3) с помощью прилагательных, образованных от географических названий, использованных в значении существительных; 4) с помощью существительных, образованных от географических названий<sup>7</sup>. В XV–XVII вв., как можно видеть по памятникам, преобладают второй и четвертый способы, однако ведущее место принадлежит обозначению происхождения человека именно с помощью конструкций с прилагательными, образованными от топонимов. При наличии в текстах XV–XVII вв. синонимичных способов выражения (напр., часто используются в одном ряду: *А торговые московские люди, и новгородцы, и псковичи...* (РБС, 1592 г.)) конструкция с прилагательным, очевидно, воспринималась как принадлежность официального, не разговорного стиля, кроме того, позволяла указать и на род занятий человека за счет семантики определяемого существительного (*русские прикащики, дъчечек варзуский, болхавский торговый человек, московский пушкар* и т. д.). Таким образом, прилагательные, образованные от названий населенных пунктов, в своем основном значении 'проживающий в ...' играли очень большую, едва ли не основную, роль при обозначении связи человека с определенной местностью (в современном русском языке эта роль принадлежит катойконимам).

<sup>7</sup>Словарь названий жителей СССР / Под ред. А. М. Бабкина, Е. А. Левашова. М., 1975. С. 6.

Интересно, что случаи субстантивации прилагательных, образованных от географических названий, возможны только с этой семантикой, и в текстах XV–XVII вв. они единичны, это буквально несколько примеров: и *кириловским соловецких* тако же речками з бревны и с дровы пропущати в весне до рыбные ловли и до красные рыбы (АСМ, 1580 г.).

У прилагательных, образованных от названий населенных пунктов, выделяется также семантика, тесно связанная с семантикой ‘проживающий в ...’, однако претендующая, как представляется, на отдельное значение – ‘являющийся главой соответствующего населенного пункта, владеющий этим населенным пунктом (о царях, князьях, королях и т. п.)’. Ясно, что такую семантику можно наблюдать у прилагательных, образованных от названий достаточно крупных и значимых населенных пунктов; типична она для прилагательных от названий стран: Мирное поставленье меж... *свѣискою* королевы... и великие княини Финские земли... (В-К III, 1645 г.), Государь деи *московской* великой, а что деи прислал к нашему государю грамоту (Пут. послов, 1570 г.), Дал вкладу преосвященный Симан митрополит *московский* и всеа Русии (Вкл. кн. ТСМ).

Именно в связи с развитием этой семантики находится такая важнейшая функция оттопонимических прилагательных, как использование их в составе титулов: Мы великие государи... *Владимерские, Новгородские, цари Казанские, цари Астраханские*... пожаловали Спаса Симонова монастыря архимандрита Гаврила зъ братьею... (А. Угл., 1684 г.), Мы, Христина, Божиєю милостию *свейская, готцкая и вендейска*... арцугиня *эстландская и корельская* (РШЭО, 1649 г.).

С неодушевленными существительными, обычно с локативной семантикой, реализуется значение ‘находящийся на территории соответствующего населенного пункта (или его уезда)’. Здесь часты сочетания с существительными *двор, вотчина* и др.: На *московском* дворе дяди нашего Савы Лукьяновича Василчикова покрали воры многие дяди нашего животы (МДБП, 1687 г.), Велѣно ему [боярину И. Н. Романову] дати *псковские* кабаки (Пск. писц. кн. II, 1653 г.), От Бориса Ивановича в *орзамаскую* мою вотчину в село Богородцкое человеку моему Миките Мижуюву (АХБМ II, 1660 г.).

Очень интересно значение ‘производимый в соответствующем населенном пункте; привезенный из соответствующего населенного пункта’. Формулируем эти значения вместе, так как контекст

далеко не всегда позволяет разделить их. Это значение обычно реализуется в сочетаниях с нарицательными конкретными существительными, обычно обозначающими товары, описываемые такими прилагательными: И им [немцам]... невозможно быт без пенки без смолы... и без бочешной *астрханские* икры (МДБП, 1662 г.), Да челом бую тебѣ гсдрю моему новиною часть винограду *астрханского* да кадочку медку своего *украинского*, чтоб вамъ гсдремъ моимъ кушат во здравие (ПНРЯ, XVII в.), Взяли из той клѣти сукню темнозеленую *анбурского* сукна (А. Кунг., 1696 г.), О коломенках *азовских* отпиши гсдрь пожалуи (Гр., № 360, XVII–н. XVIII вв.).

Такие сочетания интересны заложены в них историко-культурной информацией, так как содержат сведения об экономике, быте того времени: например, прилагательное *амбургский* (с вар. *амборский*, *анбуржский*, *анбурский*) от названия города Гамбург сочетается исключительно с лексемой *сукно*. Вообще говоря, среди таких сочетаний особенно много названий тканей, причем прилагательные, характеризующие ткани, как правило, производны от названий зарубежных городов. От названий некоторых городов возникают даже существительные-названия тканей (через промежуточную ступень прилагательных от географических названий): *аглица* 'сукно особого сорта, изготовляемое в Англии', *адамашка* 'камка (плотная шелковая ткань) из Дамаска', *шамохейка* 'камка из Шемахи', *брюкиш* 'сукно, произведенное в городе Брюгге'.

Именно из таких контекстов рождается большинство связанных сочетаний с прилагательными от названий населенных пунктов, и такие связанные сочетания становятся уже номенклатурными обозначениями соответствующих реалий. Представляется, что такого рода фразеологизированные сочетания с отгопонимическими прилагательными, которые приобрели уже номинативный характер, несомненно, должны включаться в толковые и исторические словари.

Этому значению прилагательных от названий населенных пунктов близка семантика устойчивого сочетания *московское дело*: Былъ государь у обѣдни, на праздникъ Петра митрополита, и на государѣ было платья: шуба, бархатъ цвѣтной (*московское дѣло*) шолкъ червчатъ по бѣлой землѣ (Выходы ц. в. к., 1636 г.) — т. е. 'сделанный, произведенный в Москве'.

Достаточно типичными для прилагательных, образованных от названий населенных пунктов, являются антонимичные значения



‘направляющийся (доставляемый) в соответствующий населенный пункт’; ‘прибывший (привезенный) из соответствующего населенного пункта’ (в сочетании как с неодушевленными, так и с одушевленными существительными, из которых наиболее частотно *посол*). Напр., Да Иван же проведывал, что салтаново умышление о *астороханском* походе, по чему челобитью к Асторохани рать свою посылал (Пут. послов, 1570 г.), По памяти за приписью диака Петра Третьякова велено довати изъ Большого Приходу *ноугородцкому* посланному Федору Бобарыкину на кормъ по полу-полтине на день (Ст. печ. приказа, 1613 г.), И мы, государь, холопи твои [воеводы] по твоему государеву указу к тем литовским торговым людям посылали про всякие *литовские* вести розпросити и проведати стародубца Дмитрея Веревкина (РБС, 1623 г.).

У описываемых прилагательных имеют место даже случаи энтимосемии: для *московские* станичные посылки в провожатых (Астр. а., XVII в.) — ‘направляющийся в Москву’ и *московские* послы (Пут. Послов., к. XVI в.) — ‘прибывший из Москвы’.

В сочетаниях с лексемой *дорога* прилагательные развивают семантику ‘ведущий в соответствующий населенный пункт’: Да оттоле рекою Банею вниз и через *московскую* дорогу до Дмитрева межника (АФЗХ II, 1544-45 гг.), в результате чего в памятниках фиксируется целый ряд собственных названий путей: *Московская дорога, Витебская дорога, Владимирский тракт* и т. д.

Наконец, ряд оттопонимических прилагательных имеет семантику ‘свойственный какому-либо месту, региону’: И про бытность *казанскую* млсти гсдрь твои о всѣмъ возвестит нне (Гр. № 389, XVII — н. XVIII вв.).

Естественно, у прилагательных, образованных от географических названий, возможны и менее типичные, редкие и индивидуальные, контекстуальные значения в текстах XV–XVII вв. (напр., *Копыльская ярмонка* (РБС, 1641 г.) ‘проходящий в г. Копыле’). В целом, эти значения свойственны в основном высокочастотным прилагательным, соответственно, образованным от названий больших, значимых населенных пунктов.

Такие, более редкие, значения фигурируют в устойчивых сочетаниях. Так, с лексемами *московский* и *новгородский* существовали уже терминологичные, имевшие четкий (хотя и изменившийся у новгородских денег после унификации русской монетной системы в середине XVI в.) денежный эквивалент обозначения денежных

единиц: *московская деньга, московский рубль, московский алтын, новгородская деньга, новгородская гривна, новгородский рубль*. Существовали и устойчивые сочетания: (в) *московское число* ‘по денежному счету Московского государства’, (в) *новгородское число* ‘по новгородскому денежному счету’. Только в этих сочетаниях прилагательные *московский* и *новгородский* фиксируются Словарем русского языка XI–XVII вв., хотя описываются непоследовательно: если для прилагательного *московский* такие сочетания толкуются в рамках первого значения ‘в составе названий денежных единиц’ (вторым значением прилагательного *московский* является ‘в составе названий мер сыпучих веществ’), то для прилагательного *новгородский* выводится одно общее отсылочное значение ‘относящийся к Новгороду, свойственный Новгороду’, а далее толкуются сочетания — обозначения денежных единиц<sup>8</sup>.

Также терминологические устойчивые сочетания возникают с прилагательными от географических названий как обозначения мер, имеющих хождение, официально принятых в соответствующем регионе: *московская мера, московское ведро, новгородская четь, большая оскольская мера*.

В сочетаниях с названиями учреждений оттопонимические прилагательные имели семантику ‘ведающий, занимающийся делами соответствующего населенного пункта’: *Новгородский приказ*.

Таким образом, нельзя не отметить большую роль прилагательных, образованных от географических названий, в истории языка. Развивая разнообразную семантику, они высокочастотны в деловых текстах и текстах обиходного характера. В XV–XVII вв. такие прилагательные выступают как основной способ указания связи человека с определенной местностью. С ними образуется целый ряд устойчивых сочетаний: обозначения стран, местностей, номенклатурные обозначения реалий, названия мер, денежных единиц. Эти прилагательные широко используются в составе титулов. Существенно и то, что на основе таких прилагательных активно образуются русские фамилии: см., например, *Федор Васильев сын Ржевской* (АФЗХ, ч. II, 1565–66 гг.). Представляется, что вопрос о включении оттопонимических прилагательных в толковые и исторические словари должен решаться индивидуально для каждого

---

<sup>8</sup>Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–26. М., 1975–2002. Вып. 9. С. 271; Вып. 11. С. 394.

словаря в зависимости от целей и задач словаря, принципов формирования словника, объема картотеки, лежащей в основе, и т. д. (так, напр., в Словаре обиходного русского языка Московской Руси (XVI–XVII вв.) решено включать такие прилагательные и подробно описывать их семантику, так как они несут существенную информацию о быте, культуре эпохи), однако несомненно в словари должны включаться фразеологизмы, имеющие в своем составе прилагательные, образованные от географических названий. Нельзя не согласиться с Е. А. Левашовым, что, являясь частью словарного состава нашего языка, такие прилагательные, соотносимые с русскими и иноязычными топонимами, должны найти свое место в словарях как законный объект русской лексикографии<sup>9</sup>.

### Сокращения

А. Кунг. — Кунгурские акты XVII в. (1668–99 гг.) / Изд. А. Г. Кузнецова. СПб., 1888.

АСМ — Акты Соловецкого монастыря 1572–1584 гг. // Акты социально-экономической истории Севера России конца XV–XVI вв. / Сост. И. З. Либерзон. Л., 1990.

Астр. а. — Акты Астраханской воеводской избы XVII в. (Хранятся в ЛОИИ. Ф. 178).

А. Угл. — Шумаков С. Угличские акты (1400–1749 гг.) // Чтения ОИДР. 1899. Кн. 1. Отд. 1. С. 1–208.

АФЗХ — Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв. / Подгот. к печати Л. В. Черепнин, А. А. Зимин. Ч. I–III. М., 1951–1961.

АХБМ — Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова / Под ред. А. И. Яковлева. Ч. I–II. М.; Л., 1940–1945.

В-К III — Вести-Куранты. 1645–46, 1648 гг. / Изд. подгот. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов, А. И. Сумкина; под ред. С. И. Коткова. М., 1980.

Вкл. кн. ТСМ — Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Изд. подг. Е. Н. Клитина, Т. Н. Манушина, Т. В. Николаева; отв. ред. Б. А. Рыбаков. М., 1987.

Выходы ц. в. к. — Выходы государей царей и великих князей Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Федора Алексеевича всея Руси самодержцев (1632–82 гг.) / Сообщ. П. М. Строев. М., 1884.

Гр. — Грамотки XVII — начала XVIII в. / Изд. подгот. Н. И. Тарабасова и Н. П. Панкратова; под ред. С. И. Коткова. М., 1969.

<sup>9</sup> Левашов Е. А. Словарь прилагательных... С. 4.

МДБП — Московская деловая и бытовая письменность XVII в. / Изд. подгот. С. И. Котков, А. С. Орешников, И. С. Филиппова. М., 1968.

ПНРЯ — Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия / Изд. подгот. С. И. Котков, Н. И. Тарабасова. М., 1965.

Пов. аз. ратн. сид. — «Поэтическая повесть» об азовском осадном сидении 1642 г. // Воинские повести Древней Руси / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1949. С. 57-81.

Пск. писц. кн. II — Псков и его пригороды. Кн. II // Сб. Моск. архива министерства юстиции. Т. 6. М., 1914.

Пут. Послов. — Путешествия русских послов XVI–XVII вв. М.; Л., 1954.

РБС — Русско-белорусские связи: Сб. документов (1570–1667 гг.). Минск, 1963.

РД — Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. документов. Т. I–IV. М., 1954–1976.

РШЭО — Русско-шведские экономические отношения в XVII в. / Отв. ред. М. П. Вяткин, И. Н. Фирсов. М.; Л., 1960.

Ст. печ. приказа — Первые месяцы царствования Михаила-Федоровича: Столпцы печатного приказа / Под ред. Л. М. Сухотина // Чтения ОИДР. 1915. Кн. 4. Отд. 1, 2. Приложение. С. 1–202.

Суд. 1589 г. — Судебник царя Федора Иоанновича 1589 г. // Памятники русского права. Вып. 4. М., 1956. С. 413–433.

*А. С. Герд*

## АКАДЕМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ (ПРЕДМЕТ, ОБЪЕКТ, ФОРМА)

В 1984 г., уже после смерти Ф. П. Филина, под редакцией В. Я. Дерягина вышла небольшая книга «Историческая лексикология русского языка», в которой были собраны мысли Ф. П. Филина о путях создания академической исторической лексикологии русского языка<sup>1</sup>. Хотя Ф. П. Филин основное внимание в соответствии с его исследовательскими интересами сосредоточил на лексике XI–XVI в., он глубоко затронул также и многие общие проблемы исторической лексикологии. «Что значит историческая лексикология

<sup>1</sup> Филин Ф. П. Историческая лексикология русского языка. М., 1984.